

Юрий Соломин:

Труд. - 1991. - 8 окт.

«РОССИЯ ДОЛГО ЖДАЛА, А ПОТОМ ВСТАЛА НА ДЫБЫ»

Министр культуры РСФСР народный артист СССР Юрий Соломин во время путча был в «Белом доме». О перевороте уже сказано и написано так много, что тема начинает приедаться. Но артист видит происходящее иначе, чем обычные люди, его впечатления всегда имеют особую цену. И я не смог удержаться — начал наш разговор с августовских событий.

— Юрий Мефодьевич, что произвело на вас самое сильное впечатление за три дня и ночи, проведенные в «Белом доме»?

— Молодежь. Ребята, которые стояли, взявшись за руки, вокруг парламента России. В эти ночи я понял, что возникла новая Россия. Выросло поколение, у которого нет генетического страха перед властью. Организаторы переворота не ждали сопротивления. «Великопеленной восьмерке» казалось, что стоит объявить о «смене руководства» и показать народу танки — только показать, не пачкая рук большой кровью, — как все сразу станут по стойке смирно. Они не приняли в расчет мальчиков, читавших независимые газеты, ходивших на митинги «Демократической России», успевших узнать цену свободно заработанных денег.

В отечественных фильмах есть особенность, которую не могут понять люди западной культуры. К человеку подходит некто в штатском, дотрагивается до плеча, показывает красную книжечку, и жертва покорно идет следом. Наручники и пистолет не нужны: человек подчиняется потому, что знает — если власть опустит на тебя свою руку, ты обречен. Для того чтобы вырастить такую человеческую породу, понадобились целая эпоха, горы трупов, миллионы пришлось пропустить через тюрьмы и лагеря. Казалось, что страх останется на века, но для того, чтобы он выветрился, хватило нескольких лет относительной свободы.

Но это для молодых. А в массе своей общество осталось прежним. На баррикады вышла небольшая часть москвичей; молодежь, как ни странно, очень много было женщин... Мужчин моего возраста у «Белого дома» было маловато. Двадцатого днем я заехал домой перекусить и переодеться и на обратном пути по дороге от Садового кольца к метро «Краснопресненская» прошел мимо винного магазина. Огромная очередь из здоровенных сорока-, пятидесятилетних мужиков: опущенные плечи, типичное «совковое» выражение лиц — нахмуренные лбы, подозрительные злые глаза... Я подошел, попробовал было сказать им о том, что происходит на площади перед «Белым домом», — «Братцы, что же вы!..» Куда там. Переворот переворотом, а надо ведь и талоны на водку отovarить.

— Не кажется ли вам, что за эти три дня произошло то, что в других республиках началось несколько лет тому назад, а у нас случилось внезапно, как взрыв, а именно — русское национальное возрождение? Люди защищали не Советский Союз, а Россию, и бронемашинные десантников уходили из Москвы под русскими трехцветными флагами...

— Это действительно так. Россия долго ждала, а потом встала на дыбы. Здесь сыграли свою роль особенности нашего национального характера — русский человек терпелив и тяжел на подъем, но выводить его из себя не стоит. Когда нас взяли за горло, мы почувствовали себя Россией, и это погубило ГКЧП. Они не учли того, что мы, русские, не захотим убивать друг друга. Для тех, кто въехал в Москву на танках и БМП, солдат из Вологды, Рязани, из наших деревень это стало запредельной, психологически невыносимой ситуацией. Какой-нибудь лейтенант или капитан, возможно, не раз представлял себе, как он ставит к стенке «теневика» или «демократа». Но после того, как армия и народ три дня простояли друг против друга — глаза в глаза, — ни о какой стрельбе и речи быть не могло.

Как убивать людей, протягивающих тебе сигареты и бутерброды, девушек и детей, забирающихся на танковую броню, засовающих в оружейные стволы гвоздики?

Долгие десятилетия мы были нацией самоубийц — ради абстрактных идей русские были готовы залить собственной кровью весь мир. Мне кажется, один из главных уроков этих дней состоит в том, что нация поняла: мы больше не хотим убивать друг друга.

— Юрий Мефодьевич, на площади перед «Белым домом» была странная атмосфера: костры, песни, совершенно незнакомые люди легко заговаривали друг с другом, все были готовы верить любым слухам, кроме плохих. Танки были в полтора километрах, но их никто не боялся. Судя по кадрам, снятым в «Белом доме» «взглядовцами», там была совсем иная обстановка...

— На площади царил дух мужественного праздника: веселье, окрашенное острым, пьянящим привкусом близкой опасности. Но люди в доме гораздо лучше представляли себе степень угрозы и отлично понимали, что их ждет в случае штурма. На площади было бы много крови, но тех, кто находился в здании, перебили бы всех до одного. Его защитники — а среди них было немало профессионалов, бойцов ОМОНа, ребят из частных сыскных агентств, хорошо понимавших, какая мясорубка произойдет в коридорах «Белого дома», — ясно представляли, что их ждет. Но паники не было, руки ни у кого не тряслись, все, или почти все, были готовы встретить свою судьбу, какой бы она ни была.

— Какие последствия все происшедшее в нашей стране за последнее время будет иметь для культуры? Скажется ли на деятельности нашего министерства идущее сейчас распределение полномочий между Россией и тем, что осталось от Союза?

— Впереди большие перемены. Многие из того, что традиционно находилось под управлением союзного Министерства культуры, перейдет в наше ведение. Мне хочется верить, что нам удастся вернуть России ее исконное достоинство: Эрмитаж, МХАТ, Третьяковскую галерею. Третьяков, в конце концов, подарил ее не СССР, а Москве.

— Но ведь российское министерство бедно. Ему не под силу содержать даже то, что находится сейчас на его балансе — а на нынешнюю союзную собственность и подавно не хватит ни специалистов, ни денег, ни фондов. Насколько я знаю, и собственное-то российское хозяйство расплывается: заводы, которые должны выпускать оборудование для клубов, музыкальные инструменты, театральные автобусы, не желают больше работать на культуру — рынок есть рынок...

— А разве учреждения культуры союзного подчинения чувствуют себя лучше? Они находятся точно в таком же положении, что и мы, — на их долю остаются бюджетные огрызки. Да и предприятия союзного министерства не слишком к нему лояльны. А Россия — не бедная вдовушка, мы не нищие. Союзный фонд формируется на средства нашего бюджета. Все, что шло на русскую культуру, ей и останется, но только распределять средства будет сама республика.

Николай Николаевич Губенко говорил, что Большой театр, Эрмитаж, Пушкинский музей должны остаться в общесоюзной собственности. В его словах есть свой резон, и я бы с ним, пожалуй, согласился. При одном условии — в распоряжении Союза должны быть и памятники Бухары, Баку, Львова... Но что нам делать сейчас, когда Украина забрала себе Крым с санаториями Союза театральных деятелей, выстроенными на деньги не-

скольких поколений русских актеров? Сейчас ни в одной республике, кроме нашей, не осталось театров и музеев, подчиняющихся Союзу. Почему же Россия должна оставаться заповедником «центрального» министерства? Получается, что она должна отдать ему больше других из-за богатства, исторической значимости своей культуры. По-моему, это полный абсурд.

Николай Николаевич говорил, что Большой театр должен остаться у Союза потому, что в нем стажировались танцовщики из всех республик. Так они будут в нем заниматься и тогда, если Большой отойдет к России, — у нас со всеми республиками заключены договоры о сотрудничестве. Даже с «хлопнувшими дверью» Прибалтикой и Грузией. Ну почему бывший императорский театр должен принадлежать нескольким суверенным республикам? В XVIII веке, когда он был основан, их и на свете-то не было. Многие из их прародителей — эмираты, княжества и ханства — находились в то время в составе других государств.

— Юрий Мефодьевич, сейчас, когда мы все с большой радостью ощутили себя русскими (равно как и украинцами, эстонцами, латышами — гражданами своих республик, уроженцами своей земли), не наступило ли время Малого театра, актером и художественным руководителем которого вы являетесь? В конце концов, он сейчас — один из немногих оазисов, где еще можно услышать подлинный старомосковский говор, увидеть на сцене настоящую актерскую статью...

— Мы давно уже пользуемся большим зрительским успехом (зрительским, а не критическим, ибо это разные вещи и на все есть свои причины), наш зал полон. Вот уже несколько лет, как люди потянулись в Малый. Видимо, в нынешнее смутное время берет свое ощущение того, что за нашими плечами — великая театральная традиция, ностальгия по Золотому веку русской сцены... Наш театр с его двухсотлетним зданием, единственным среди театров страны хором и симфоническим оркестром, идущей от Мочалова актерской школой — островок стабильности в сегодняшнем мире. Если зрители к нам идут, значит, им это надо.

— Юрий Мефодьевич, сейчас много говорят о проекте нового российского герба — двуглавым орлом на красном фоне. Но ведь коронованный орел — имперский символ, а когда Временное правительство сняло с него венцы, он стал похож на двуглавого курицу. Да и нынешний наш триколор появился только в XX веке, цвет знамен царской России — черно-золотой. Не случайно парни из «патристических» объединений носят теперь именно такие повязки — мы-де наследники русской державной идеи...

— По-моему, куда важнее то, что сейчас олицетворяет наше знамя для народа. Да, красно-сине-белого флага не было ни под Бородином, ни на Шипке. Но под ним русские люди воевали в гражданскую войну, с ним защищали «Белый дом». И это тоже часть нашей истории. Да и с цветовой символикой нового российского герба не все так просто.

Двуглавый орел, древний российский символ, ведет свое происхождение из Византии. Но до Петра I, позаимствовавшего золото на черни с геральдического щита «Священной Римской империи германской нации», цвет русского герба был иным. Символом доимперской России был золотой орел (золото — цвет солнца) на красном фоне, олицетворяющем воинскую доблесть. Кстати, корона, скипетр, держава и цепь дополняли его позднее, на протяжении XVI—XIX веков. Наш двуглавый орел символизирует, что Россия — евроазиатская страна, связанная и с Западом, и с Востоком. Это герб мирного, отказавшегося от великодержавных амбиций государства. По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

Беседу вел
А. Филиппов.